

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VIII

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1969

Л. В. Дмитриева

**ДРЕВНЕУЙГУРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
(УЙГУРСКИМ ПИСЬМОМ)
В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР**

В конце XIX — начале XX в. трудами русских консулов (Н. Ф. Петровского, Н. Н. Кроткова, С. А. Колоколова, А. А. Дьякова) и специальных экспедиций (В. И. Роборовского, П. К. Козлова, Д. А. Клеменца, М. М. Березовского, А. И. Қохановского, С. Ф. Ольденбурга, С. Е. Малова) в Восточном Туркестане были собраны переданные потом в Азиатский музей Петербургской Академии наук (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР) богатейшие коллекции материалов центральноазиатской письменности.

Хотя наиболее крупные (целостные и фрагментарные) материалы древнеуйгурской (уйгурским письмом) части этих коллекций, составивших так называемый сериндийский (теперь центральноазиатский) фонд Азиатского музея (Института востоковедения АН СССР), в большинстве своем изданы или описаны, однако далеко не все из этих материалов разобрано и определено. Конечно, о разборе мелких и мельчайших фрагментов сейчас вряд ли стоит думать, ибо он, не говоря уже о том, что потребует значительного количества времени, не даст сам по себе точных научных результатов.

С. Е. Малов неоднократно указывал¹ на необходимость новых тщательных исследований изданных и уже определенных вещей прежде всего языковедами, а затем уже другими специалистами (например, юридических документов — историками), а также определения всего того, что еще не определено, исключая пока мелкие и мельчайшие фрагменты. В связи с этим он поощрял и самым внимательным образом консультировал любую, даже чисто «предварительно-инвентарную» работу по разбору и учету древнеуйгурских материалов в собрании ИВАН СССР, считая, что нужно точно учесть число и виды этих материалов для будущих кропотливых их исследований.

Он приветствовал публикации обзоров таких материалов из наших стечественных хранилищ, требуя от авторов воздерживаться от каких бы то ни было заманчивых «скороспелых» характеристик материалов и тем более выводов.

¹ В 1952 г. автором данных строк была проведена предварительная инвентаризация древнеуйгурских материалов ИВАН АН СССР по коллекции, которую консультировал С. Е. Малов (основная цель — учет этих материалов).

Теперь, когда С. Е. Малова уже нет, выполняя в какой-то мере его заветы и вспоминая, как он заботился о судьбе и благополучии этих больших и маленьких кусочков бумаги, хочется написать «для всех» (как говорил С. Е. Малов) об этом крайне важном для тюркского языкознания, истории и культуры собрании древнеуйгурских материалов в ИВАН СССР. Перечень коллекций и отдельных памятников упомянут в кратком обзоре тюркоязычных фондов Азиатского музея А. Н. Самойловича в 1918 г.²

За последующие почти пятьдесят лет были проведены исследования и публикации многих из этих памятников и было обнаружено еще несколько новых документов. Естественно, возникла необходимость в более систематизированном и полном, чем у А. Н. Самойловича, обзоре древнеуйгурских материалов в ИВАН СССР.

«Уйгуры в древнее время были культурнейшим народом Центральной Азии с весьма развитой городской жизнью. Для изучения этой доисламской культуры уйгуров был основан Международный комитет и как филиал его Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях.

С конца прошлого, XIX столетия, развалины уйгурских буддийских и христианских храмов и монастырей в Китайском Туркестане и Центральном Китае (в провинции Гань-су) привлекают к себе внимание ориенталистов и археологов всего ученого мира»³.

Подтверждением этих слов С. Е. Малова является история собирания древнеуйгурских материалов Азиатского музея — ИВАН СССР. Они поступали сюда или через Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, или через Русское географическое общество от участников научных экспедиций и от русских консулов в Восточном Туркестане. Последний путь (от консулов) оказался более эффективным, ибо он дал огромное количество материалов.

В 1892 г. первый русский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский (годы консульства — 1882—1904) прислал в Академию наук первые свои находки центральноазиатских материалов и уже с полным знанием дела ответил тогда же на запрос С. Ф. Ольденбурга: «Сведения об остатках в Восточном Туркестане древностей — несторианских, буддийских и всяких других — собираются мною давно. О первых из них я не получил до сего времени ничего положительного... Памятники буддийские существуют во всем Восточном Туркестане и, кажется, есть основание предполагать, что они найдутся даже на Памире...»⁴.

И с этих пор Н. Ф. Петровский, а за ним и другие консулы (Н. Н. Кротков — в Кульдже и затем в Урумчи, А. А. Дьяков, сменивший Н. Н. Кроткова первоначально в Кульдже, а потом в Урумчи) начинают систематическое обследование подведомственных им районов непосредственно и через своих многочисленных местных агентов. Собранные ими материалы поступали в Азиатский музей (передавались в дар или покупались) сразу целыми коллекциями или одиночно. Поступления эти были особенно интенсивными в начале XX в. — до первой мировой войны.

Так, Н. Н. Кротков с конца 1907 по 1909 г. передал в дар Русскому комитету и Академии наук четыре свои коллекции (собраны в раз-

² «Азиатский музей Российской Академии наук, 1818—1918. Краткая памятка», Пг., 1920, стр. 34—37 (разд. II, III).

³ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 95.

⁴ Н. Ф. Петровский, Ответ консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского на заявление С. Ф. Ольденбурга, — ЗВОРАО, VII, СПб., 1893, стр. 293.

ных районах Восточного Туркестана и особенно в районе Турфана); рукописная их часть поступила сразу же в Азиатский музей. А. А. Дьяков передал свою коллекцию в 1908 г. (собрана в Турфане, именно — в Астане). Русские консулы в Восточном Туркестане сделали очень много для науки — собрали многочисленные ценнейшие материалы для самых серьезных исследований индологов, иранистов, тюркологов, сириологов.

Из всех «консульских» коллекций центральноазиатского фонда ИВАН СССР древнейтурские материалы содержат коллекции Н. Н. Кроткова (4073 единицы), А. А. Дьякова (28 единиц), т. е. всего 4101 единицу из 4228 общего количества единиц хранения древнейтурской части этого фонда.

Остальные 121 единица приходится на экспедиции: В. И. Роборовского и П. К. Козлова (1893—1895 гг.— в Тибет, Турфан, Джунгарию и другие районы)⁵, Д. А. Клеменца (1898 г.— в Турфан)⁶, А. И. Кохановского (1907 г.— в Турфан)⁷, П. К. Козлова (1907—1909 гг.— в Гоби — к развалинам Хара-Хото)⁸, С. Ф. Ольденбурга (1909—1910 и 1914—1915 гг.— в Синьцзян, последняя — в Турфан и Чиктым)⁹, С. Е. Малова (1909—1911 гг.— в Ганьсу и 1913—1914 гг.— в Турфан)¹⁰.

Самая многочисленная (для древнейтурской части) из этих «экспедиционных» коллекций — С. Ф. Ольденбурга (79 ед.), остальные представлены в среднем 10—20 единицами каждая.

Летом 1952 г. С. Е. Малов передал в дар Институту востоковедения АН СССР три приобретенные им ранее, в экспедициях 1909—1911 и 1913—1914 гг., единицы (описаны и изданы им в 30-х годах).

* * *

Древнейтурские материалы ИВАН СССР представлены фрагментами (их особенно много) и более или менее целыми свитками и книгами (с отдельными не сшитыми вместе листами) рукописей и ксилографов. Бумага преимущественно китайская, почерк — курсив или полукурсив для рукописей, книжное письмо — для ксилографов. Некоторые фрагменты интересны для истории развития уйгурской письменности (№ 3004, 3363, из первой коллекции Н. Н. Кроткова), но они специально еще не исследовались. Текст писан черной краской, кисточкой, заглавия и начала разделов сутр — красной киноварью.

На обратной стороне многих фрагментов обычно имеется китайский

⁵ В. И. Роборовский, Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию В. И. Роборовского в 1893—1895 гг.— ИИРГО, 1898, т. XXXIV, стр. 1—59; «Труды экспедиции Императорского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского», ч. 1—3, СПб., 1899; В. И. Роборовский, Путешествие в Восточный Тянь-Шань и Нань-Шань, М., 1894.

⁶ D. A. Klementz, Die Nachrichten über die von der Akademie der Wissenschaften zu St.-Peterbourg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan, St.-Pbg., 1899.

⁷ С. Ф. Ольденбург, Краткая опись составленного д-ром Кохановским собрания древностей из Турфана, СПб., 1907.

⁸ П. К. Козлов, Вести из Монголо-Сычуанской экспедиции под начальством П. К. Козлова, — ИИРГО, 1909, т. XLV, вып. 7, стр. 407—432; П. К. Козлов, Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото, М., 1923.

⁹ С. Ф. Ольденбург, Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. Краткий предварительный отчет, СПб., 1914; С. Е. Малов, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, — «Записки Института востоковедения АН СССР», т. I, М.—Л., 1932, стр. 129—150 (о второй экспедиции).

¹⁰ С. Е. Малов, Отчет о путешествии к уйгурам и саларам, — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», сер. II, № 11, СПб., 1912, стр. 94—99; С. Е. Малов, О втором путешествии к уйгурам, — там же, сер. II, № 3, Пг., 1914, стр. 85—88.

иероглифический текст, иногда он приводится и в уйгурском тексте. Очень редкие фрагменты снабжены пояснениями на брахми к отдельным уйгурским словам. Есть немного фрагментов, сохранивших остатки изображений буддийского пантеона (обычно черной и красной красками).

Юридические документы сравнительно хорошей сохранности и с обязательными подписями, печатями, штампами. Почти все мелкие и мельчайшие фрагменты аккуратно подклеены бумагой и калькой (или наклеены на них), вероятно, уже в Азиатском музее.

Самые ранние из материалов — V или VIII в. («Хуастуанифт», или «Покаянная молитва манихейцев»), самые поздние — начала XVIII в. (1702 г. — три листа ксилографа буддийского содержания, найденные с сутрой «Суварнапрабхаса», или «Золотой блеск»).

* * *

По содержанию материалы следует разделить на три группы: а) редкие памятники манихейского, вероучительного содержания; б) самые многочисленные (за счет мелких и мельчайших фрагментов) буддийские памятники в уйгурских переводах и редакциях; в) довольно значительная по сравнению с их собраниями в других хранилищах группа юридических документов.

Рассмотрим каждую группу более подробно, начав с конца, т. е. с более важных и значимых в историческом отношении памятников.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

В ИВАН СССР находятся 22 юридических документа (коллекции Н. Н. Кроткова, А. А. Дьякова, С. Ф. Ольденбурга, Д. А. Клеменца, С. Е. Малова) — все они изданы в публикациях В. В. Радлова, С. Е. Малова и А. Н. Бернштама¹¹. Эти документы относятся к X—XIII вв., происходят из Турфанского оазиса. Их виды: долговые квитанции, арендные договоры, записи о купле и продаже земли и виноградников, документы о податях и повинностях, завещания на владения земель и духовные, хозяйственные записи. Построены документы в общем однотипно: дата составления по двенадцатилетнему животному циклу, содержание документа, перечень свидетелей с обязательным воспроизведением каждым из них около своих имен собственных клейм и тамг, печатей (круглых и четырехугольных по китайскому образцу)¹².

Документы ценны не только своим содержанием, позволяющим довольно четко охарактеризовать «хозяйственную жизнь»¹³ уйгур Тур-

¹¹ W. Radloff, *Altuirigische Sprachproben aus Turfan von Dr... Klementz, Nachrichten über die von der Akademie der Wissenschaften...*, St.-Pbg., 1899, стр. 55 и др.; его же, *Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben*, Leningrad, 1929; С. Е. Малов, Два уйгурских документа, — сб. **В. В. Бартольд**у туркестанские друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1927, стр. 387—394; С. Е. Малов, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 129—149; А. Н. Бернштам, Уйгурские юридические документы, — «Проблемы источниковедения», т. III, М.—Л., 1940, стр. 61—84; С. Е. Малов, Памятники..., стр. 200—218.

¹² Сведения о видах, структуре и значении документов и т. п. приведены в работах: А. Н. Бернштам, Уйгурские юридические документы...; С. Е. Малов, Памятники..., стр. 200—218.

¹³ С. Е. Малов, Памятники..., стр. 200. Исследует эти документы с исторической точки зрения Д. И. Тихонов (Налоги и налоговые термины в уйгурском государстве, — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XVI, 1958, стр. 52—77). Д. И. Тихонов подготовил большое издание древнеуйгурских юридических документов, среди которых есть, вероятно, и документы из собрания ИНА АН СССР.

фанского оазиса X—XIII вв., но и терминологией (особенно налоговой). Из наиболее значительных по содержанию отметим: запродажный документ на землю (найден Н. Н. Кротковым в Астане — № 3446)¹⁴; документы об отдаче родителями сына временно в услужение (найден С. Ф. Ольденбургом в Безеклике — № 4134)¹⁵, о купле-продаже рабыни (приобретен С. Е. Маловым в Турфане — № 4176)¹⁶; долговая квитанция (куплена С. Е. Маловым там же — № 4177)¹⁷. Два последних документа и были переданы С. Е. Маловым в ИВАН СССР в 1952 г.

ПАМЯТНИКИ БУДДИЙСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Этих памятников вообще сохранилось больше всего, преобладают они и в собрании ИВАН СССР. Это обычно переводная литература с китайского, тибетского, индийского, тохарского языков. Правда, в ряде случаев даже для крупных памятников не установлено еще точно, переводами с какого именно из указанных языков они являются. Большое внимание уйгур к буддийским сочинениям объясняется тем, что основной религией, которую они исповедовали, был буддизм, хотя у них и встречались проповедники христианства и манихейства.

Собрание древнеуйгурских материалов буддийского содержания в ИВАН СССР отличается от подобных собраний в других хранилищах тем, что в нем имеется много крупных по объему материалов, в том числе в полном составе (во всех десяти книгах) самая большая из всех известных в настоящее время сутр — «Суварнапрабхаса» («Золотой блеск» — № 4171). Она вывезена С. Е. Маловым в 1910 г. из селения Вуншигу (Вунфыгу) около г. Сучжоу пров. Ганьсу. Значение сутры весьма велико — она дает возможность составить словарь и грамматику уйгурского языка X в. Сутра переведена с китайского языка в X в. в Бишбалыке. Данная рукопись сутры переписана, видимо, в 1687 г.¹⁸ Большое число листов другой рукописи этой же сутры было найдено немецкой (прусской) экспедицией в 1908 г. в Турфанском оазисе¹⁹.

Затем, только в ИВАН СССР есть самые поздние уйгурские материалы уйгурским же письмом — упоминавшиеся уже три листа ксилографа 1702 г. (№ 4174); найдены С. Е. Маловым при сутре «Золотой блеск»²⁰.

Почти все наиболее крупные и значительные материалы буддийского характера изданы, в том числе «Тишаствустик» (№ 1, первая коллекция Н. Н. Кроткова) — неполная сутра (лл. 17—51), редкая по содержанию среди буддийских сочинений — включает заклинания от всех зол для странников (особенно купцов и торговцев). Это не перевод, а уйгурская редакция, но какого именно оригинала, еще не установлено; других рукописей этой уйгурской редакции не обнаружено; особенно же данной рукописи — в пояснениях на брахми около ряда уй-

¹⁴ Издан С. Е. Маловым (Памятники..., стр. 204—207).

¹⁵ Издан С. Е. Маловым (Уйгурские рукописные документы..., стр. 130—135, табл. I, II, старый шифр документа — 0,6).

¹⁶ Издан С. Е. Маловым (Сб. «В. В. Бартольд...», стр. 391—394).

¹⁷ Издана С. Е. Маловым (там же, стр. 387—391).

¹⁸ Издано: *Suvarṇaprabhāsa* (сутра «Золотого блеска»). Текст уйгурской редакции, изд. В. В. Радлов и С. Е. Малов, вып. I—II, СПб., 1913; вып. III—IV, Пг., 1914; вып. V—VI, Пг., 1915 («*Bibliotheca Buddhica*», XVII); *Suvarṇaprabhāsa* («*Das Goldglanz — Sūtra*»). Aus dem Uigurischen ins Deutsche übersetzt von W. Radloff nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov herausgegeben Л., 1930, вып. I—III («*Bibliotheca Buddhica*», XXVII); С. Е. Малов, *Памятники...*, стр. 139—199.

¹⁹ F. W. K. Müller, *Uigurica*, I, Berlin, 1908.

²⁰ Статью о них подготовил Э. Р. Тенишев.

гурских слов²¹. «Куан-ши-им Пусар» (№ 4075, коллекция А. А. Дьякова) — перевод главы XXV китайской версии сутры «Саддхармапундарика» религиозно-этического содержания²². «Ситатапатра-дхарани» (в уйгурской редакции, № 4175, передана С. Е. Маловым в 1952 г.) — сутра подобного же содержания, упомянутая ее уйгурская редакция характеризуется многими пояснениями на брахми около строк²³. «Пујап вайрмāk» (№ 4172, коллекция С. Е. Малова) — сутра, по содержанию близкая к сутре «Золотого блеска», при которой и найдена (датировка — 1688 г.)²⁴.

Несмотря на публикацию, даже эти (особенно последние) памятники изучены недостаточно и по языку, и по содержанию, и по определению их источников или оригиналов. Другие, фрагментарные, памятники так же мало изучены, хотя ряд крупнейших фрагментов издан и имеется в других хранилищах²⁵.

ПАМЯТНИКИ МАНИХЕЙСКОГО, ВЕРОУЧИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Вообще памятники такого рода встречаются редко — в ИВАН СССР есть один, и весьма значительный. Это «Хуастуанифт» — покаянная молитва для «слушателей» манихейской общины. Первоначально он был составлен, вероятно, на одном из древнеиранских языков, а затем переведен на древнеуйгурский. В. В. Радлов и С. Е. Малов относили его к V в., однако исследование языка, графики и других особенностей этого памятника не дает оснований для такой ранней датировки. Очевидно, его следует отнести не ранее чем к VIII в.

Исследователи его полагали, что создан он в Средней Азии, а его фонетика и грамматика «ближе к орхоно-енисейским руническим памятникам, чем к буддийско-уйгурским (и впоследствии к уйгурско-мусульманским)»²⁶. Оригинал молитвы не найден, а древнеуйгурский перевод имеется в трех списках: лондонском, берлинском и ленинградском (манихейским письмом, находится в ИВАН СССР, № 4074, коллекция А. А. Дьякова). Все три списка с пропусками, наиболее полный из них — лондонский, самый неполный — берлинский. Однако каждый список в какой-то своей части содержит отдели или строки, утраченные в двух других списках. Так, только в берлинском списке есть начальная часть молитвы, только в ленинградском — заключительные ее строки (1,5 строки с названием памятника), в лондонском списке имеются строки третьего раздела молитвы, утраченные частично в ленинградском и целиком в берлинском списках. Памятник издан по всем трем спискам отдельно

²¹ «Tišastvustik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra», I. Transcription und Übersetzung von W. Radloff; II. Bemerkungen zu den Brāhmiglossen des Tišastvustik — Manuscripts... von baron A. von Staël — Holstein, St.-Pbg., 1910 («Bibliotheca Buddhica», XII).

²² Kuan-ši-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapundarika, herausgegeben und übersetzt von W. Radloff, St.-Pbg. 1911 («Bibliotheca Buddhica», XIV).

²³ С. Е. Малов, Sitatapatra — dharani в уйгурской редакции, — «Доклады Академии наук», 1930, стр. 88—94.

²⁴ Транскрипция названия принадлежит С. Е. Малову. Издано вместе с сутрой «Золотой блеск» (см. прим. 18).

²⁵ Например, в Германии и Японии изданы фрагменты сутры «Säkiz Jükmäk» («Восемь светов»): W. Bang, A. v. Gabain, G. K. Rachmati, Türkische Turfan-Texte, VI. Das buddhistische sūtra «Säkiz Jükmäk», Berlin, 1934; T. Haneda, A Specimen of the uigurisch Buddhist Text «yirli t(ä)ngrili säkiz Yogmak yarug бүкүлүг арвис ном битиг» (1900)? (на яп. языке). Фрагменты этой сутры есть и в ИВАН СССР (№ 3765—3807, коллекция Н. Н. Кроткова).

²⁶ С. Е. Малов, Памятники..., стр. 108.

и сводным текстом²⁷. Значение этого памятника велико прежде всего с точки зрения языка, а затем и содержания, так как манихейские вероучительные сочинения встречаются очень редко (преимущественно в виде фрагментов).

* * *

Как видно из изложенного выше, значение древнеуйгурских материалов центрального фонда ИВАН СССР вполне определено для истории тюркских языков и истории тюркских народов (уйгур) и их культуры.

Большая и исключительно важная работа предстоит здесь тюркологам: необходимы новые тщательные исследования прежде всего с языковой точки зрения буддийских и манихейских памятников, с языковой и исторической — юридических документов. Впервые подлежат изучению более крупные из мелких фрагментов буддийского и манихейского содержания.

* * *

Из староузбекских памятников XV в. («чигатайских») уйгурским письмом в собрании ИВАН СССР имеются: ярлык («нишан») Омар-шейха (отца Бабура) 873/1469 г. (№ 4178, получен в дар В. В. Бартольд-дом в 1902 г. в Маргелане от бывшего местного кадия и передан в том же году в Азиатский музей) — хорошо известен по изданию²⁸, другой ярлык того же характера и времени (№ 4179) еще не определен точно, так как до сих пор из-за дефектности не установлено имя правителя, давшего этот ярлык.

²⁷ Издания: ленинградского списка — W. Radloff, *Chuastuanit. Das Bußgebet der Manichäer*, St.-Pbg., 1900; его же, *Nachträge zum Chuastuanit (Chuastuanvt), dem Bußgebet der Manichäer (Hörer)*, — «Известия Академии наук», 1911, стр. 867—896; немецкого и лондонского списков — A. Le Coq, *Chuastuanift, ein Sündenbekenntniss der manichäischen Auditores. Gefunden in Turfan*, Berlin, 1910; его же, *Stein's Türkisch Kuastuanift from Tunhaung, beging a Confession-prayer of the Manichacan Auditores*, London, 1911; его же, *Türkische Manichaica aus Chotscho*, I, Berlin, 1912; II, Berlin, 1919; III, Berlin, 1922; сводный текст: Л. В. Дмитриева, *Хуастуанифт* (введение, текст, перевод), — «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 214—232 (см. также: Л. В. Дмитриева, *Лексика ленинградского списка «Хуастуанифт»*, — «Краткие сообщения института народов Азии», М., 1965, № 69, стр. 46—59). Новое капитальное исследование памятника: Jes. P. Asmussen, *X^v ästvänift studies in manichaeism*, Copenhagen, 1965.

²⁸ П. М. Мелиоранский, *Документ уйгурского письма султана Омар-шейха*, — ЗВОРАО, XVI, 1906, стр. 01—012.